

Институт славяноведения
Российской академии наук

Исследования
по славянской диалектологии

25

Москва • 2025

УДК 811.16
ББК 81.41
И 88

Авторы:

*Н. Е. Ананьева, И. А. Букринская, Ж. Ж. Варбот, С. В. Дьяченко, Д. Н. Гальцова,
А. Ф. Журавлёв, О. Е. Кармакова, С. В. Князев, А. Б. Коконова, И. А. Марченко,
А. В. Малышева, Н. И. Муравлева, С. Л. Николаев, Г. П. Пилипенко, Р. М. Ронько,
М. Н. Саенко, Сладжана М. Цукут, Т. В. Шалаева*

Редакколлегия:

д.ф.н. А. Ф. Журавлёв (отв. редактор серии),
к.ф.н. Д. Ю. Ващенко, М. Н. Толстая (отв. редакторы выпуска),
к.ф.н. М. Н. Саенко

Рецензенты:

к.ф.н. Е. В. Колесникова, к.ф.н. М. В. Ясинская

Исследования по славянской диалектологии. Вып. 25. — М.: Ин-т славяноведения РАН, 2025. — 456 с.

Коллективный труд «Исследования по славянской диалектологии» (вып. 25) содержит статьи на основе докладов, прочитанных на XXV Круглом столе по славянской диалектологии в Институте славяноведения РАН 4–5 июня 2024 года, и публикации диалектных текстов, записанных в экспедициях разных лет.

Издание представляет интерес для широкого круга языковедов — специалистов по славянской диалектологии, лингвогеографии, лексикографии, истории языка, этимологии, социолингвистике.

The collective work contains articles based on reports presented at the XXV Round table on Slavic dialectology at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences on June 4–5th, 2025 as well as publications of dialectal texts, recorded during field researches over the years. The book is addressed to a wide range of linguists — specialists in Slavic dialectology, linguistic geography, language history, etymology and sociolinguistics.

ISBN 978-5-7576-0529-6
ISSN 2618-8589

DOI: 10.31168/2618-8589 (серия)
DOI: 10.31168/2618-8589.2025.25 (выпуск)

© Институт славяноведения РАН, 2025

Содержание

<i>С. Л. Николаев.</i> К акцентуации праславянских <i>о-</i> и <i>и-</i> основ с односложными корнями в карпатоукраинских говорах.....	5
<i>Сладжана М. Цукут.</i> Статус переноса ударения на проклитики в северо-западных сербских говорах	149
<i>С. В. Князев.</i> Интонационная фонология русских диалектов: начальный пограничный тон	178
<i>И. А. Букринская, О. Е. Кармакова.</i> Русско-белорусское пограничье: история изучения и лексическое своеобразие	207
<i>И. А. Марченко, Р. В. Ронько.</i> Диалектные различия между востоком и западом на материале данных Диалектологического атласа русского языка: результаты многомерного шкалирования	236
<i>А. В. Мальшева.</i> Родительный при отрицании в говоре Ильменского Поозерья	260
<i>М. Н. Толстая.</i> Из синтаксиса закарпатского говора села Русская Мокрая	282
<i>Ж. Ж. Варбот.</i> Об одном русско-сербохорватском лексическом соответствии с корнем <i>хор-</i>	302
<i>Н. Е. Ананьева.</i> Польские и русские диалектные эпонимы, мотивированные этнонимами и хоронимами	305
<i>Т. В. Шалаева.</i> Ксеномотивация в названиях животных (по материалам «Общеславянского лингвистического атласа»)	316
<i>А. Б. Коконова.</i> Лексема <i>КИРПИЧ</i> и производные от нее в севернорусских говорах	326
<i>Д. Н. Гальцова.</i> Общие наименования хозяйственных построек в воронежских говорах	334
<i>А. Ф. Журавлев.</i> Лексикографические фантомы. 14. СРНГ, <i>С</i>	345
<i>А. Ф. Журавлев.</i> Лексикографические фантомы. 15. СРНГ, <i>Т</i>	372

<i>С. В. Дьяченко, Г. П. Пилипенко, М. Н. Саенко. Украинские тексты из села Юдино Воронежской области (по данным экспедиции 2024 г.)</i>	407
<i>Н. И. Муравлева. Образцы говора македонских переселенцев в Южном Банате Республики Сербии, сёла Качарево и Глогонь, община Панчево</i>	426
<i>Г. П. Пилипенко. Тексты на славянских языках из Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия) (по материалам экспедиции 2024 г.)</i>	442

Т. В. Шалаева
(Москва)

Ксеномотивация в названиях животных (по материалам «Общеславянского лингвистического атласа»)

Статья посвящена славянским названиям животных, мотивированным обозначениями инородцев, или ксенонимами, по материалам тома «Животный мир» «Общеславянского лингвистического атласа» с дополнениями из других источников. Данные формы нанесены на карты-схемы, на которых показано их распространение с точки зрения семантики и производящих корней. Также анализируются их признаки номинации и существующие гипотезы об их происхождении.

Ключевые слова: «Общеславянский лингвистический атлас», мотивационные карты, семантические карты, ксенонимы, названия животных.

Обозначение животных названиями инородцев, или ксенонимами, является частотной моделью номинации в различных языках. Она отражает представления этноса о других народах: «За конкретными, казалось бы, мотивами скрываются генерализованные представления о чуждости, неполноценности, аномальности, отсталости и т. д. инородцев» [Березович 2014: 175] — и выражает его отношение (чаще негативное) к отдельным представителям фауны. Обычно это вредоносные существа, которые массово обитают рядом с человеком, — такие как тараканы, мухи, оводы, вши, клопы, крысы, воробьи. Реже подобным образом именуются неполноценные, с точки зрения носителей языка, создания: например, мальки рыб и головастики. Наиболее употребительные корни в таких наименованиях — это *жид-*, *еврей-*, *цыган-*, *татар-*, *нем-*, *швед-*, *прус-*, *шваб-* и т. д. [Березович 2007: 426–433].

Данная лексическая группа в славянских диалектах очень обширна и подробно исследована. Цель данной работы — наглядно продемонстрировать ее фрагменты на карте «Общеславянского лингвистического атласа» [ОЛА 2024], проанализировать их локализацию с сема- и онома-сиологических позиций, а кроме того, прокомментировать имеющиеся версии об их первичных мотивационных признаках. Прояснению последних способствует обращение к синонимичным образованиям.

Так, по данным ОЛА, ксеномотивация свойственна наименованиям крысы, воробья, улитки без раковины, головастика, щуки, стрекозы и божьей коровки. Обозначения крысы (*něm-ъk-a*, *něm-ъk-yn-j-a*, *něm-ъě-ъsk-A tuš-ъ*¹) известны чешскому языку [ОЛА 2024: 87–93], названия воробья (*(žid)-ъ*, *(žid)-ъk-ъ*, *(žid)-ъv-a*) — украинскому и южным говорам русского [ОЛА 2024: 150–154] (см. карту-схему 1)². По другим источникам, наименования воробья посредством ксенонимов распространены шире, а конкретно встречаются также в белорусском (*мазу́рак*, *жыд*, *жыдо́к*, *жыдзю́к*), польском (*madzur*, *mazurek*, *żydek*) [Березович 2007: 432; 2018: 22–23], чешском (*polak*) [СЈА 2: 116–117] и болгарском языках (*џиганчица* ‘маленькая коричневая птичка, похожая на воробья’) [Березович 2007: 433]. Крыс и воробьев объединяет отрицательное отношение человека, объясняемое наносимым ими вредом: в частности, воробьи обклеивают злаковые и ягодные растения.

Номинация щуки (*turk*)-*a* характерна для македонских диалектов Северной Греции [ОЛА 2023: 220–223] (см. карту-схему 1) и объясняется, по-видимому, агрессивными, хищническими повадками этой рыбы. Хотя среди ихтионимов ксеномотивация не редкость: ср. русск. диал. *чухо́нь*, *чухо́нец*, *чү́хна* ‘налим’ [ЛЯРНГ 2: 724–726], *жидо́лка* ‘рыба щиповка, голец, подкаменщик’, *лопа́рь*, *лопа́рь* ‘рыба бычок-подкаменщик’, ‘рыба-густера’ от *лопа́рь* ‘саам’, *тата́рин* ‘сом’, *пермя́к* ‘налим’, белорус. *џыга́нка* ‘плотва’, *жыдо́к* ‘рыба верховодка’, болг. *џиганчица* ‘пескарь’, польск. *rusik* ‘то же’ [Березович, Кривошапова 2006: 22; Березович 2007: 433; 2014: 189, 191].

Лексемы со значением ‘головастик’ бытуют на востоке Словакии ((*cigan*)-*ъsk-A ryb-ъk-a*), в западноболгарских ((*cigan*)-*ъsk-O žab-e*, *џиганска риба*) и в восточномакедонских говорах ((*azur*)-*ъsk-A ryb-a*) (см. кар-

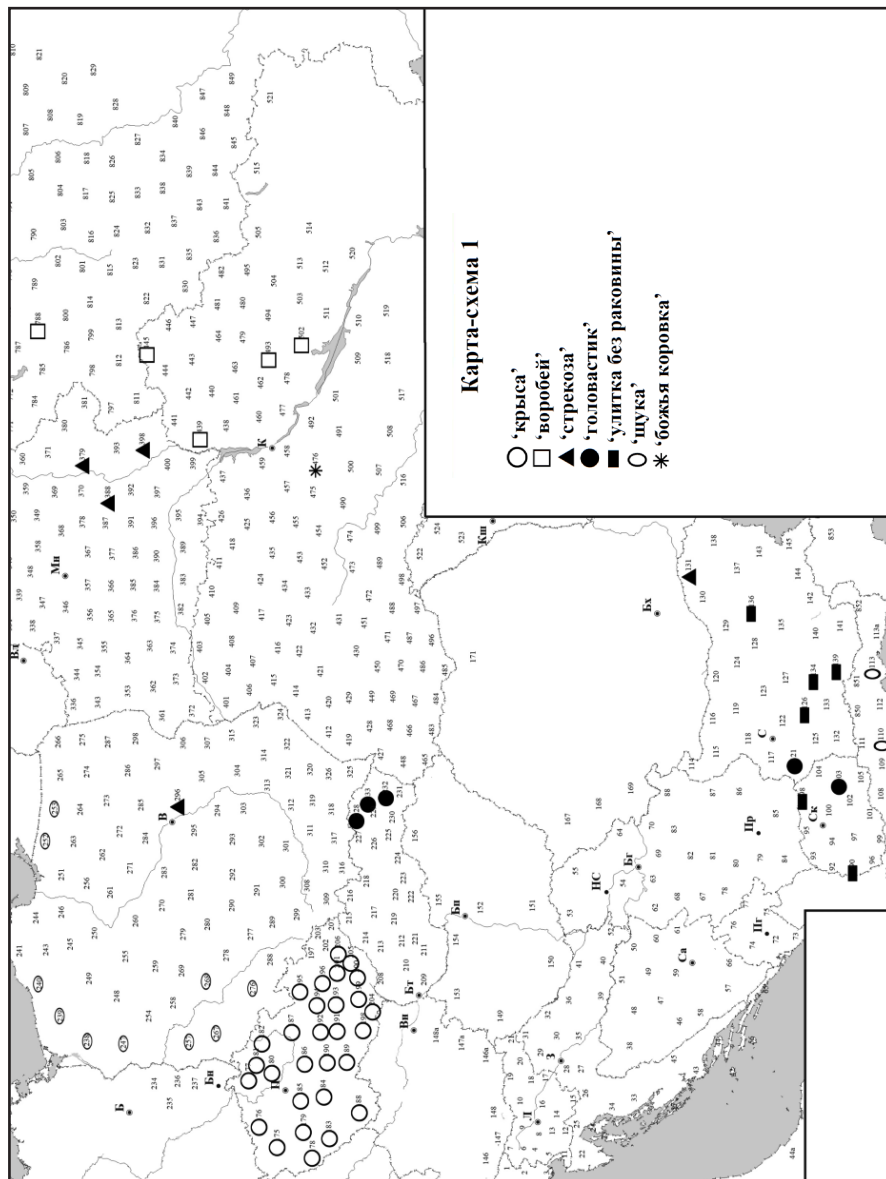
¹ Материалы ОЛА приводятся в обобщающей записи, принятой в атласе.

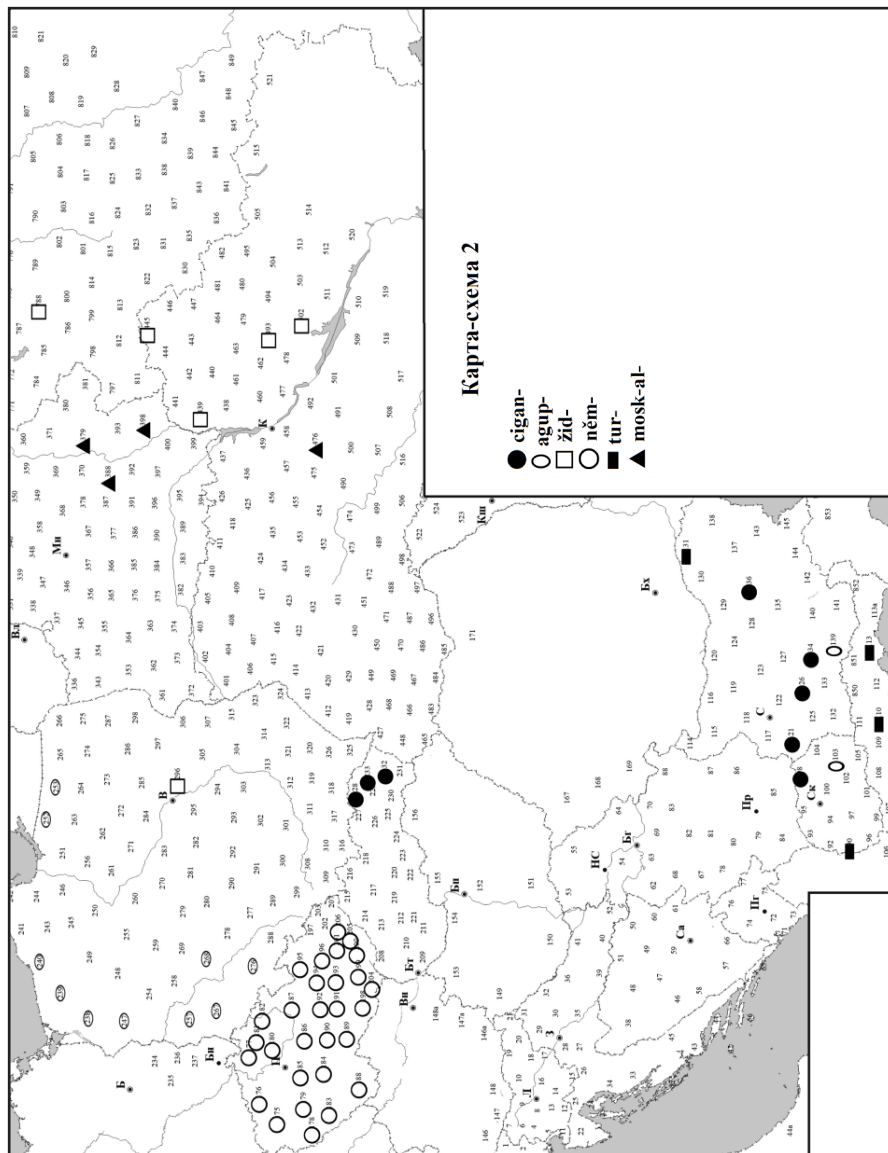
² Карты-схемы 1, 2 составлены по материалам следующих карт: № 13 по вопросу L 38 «Крыса» (авторы — Т. Вендина, Н. Перчиньска) [ОЛА 2024: 87–93], № 25 по вопросу SIF 70 vorbъljъ/vorbъсь/vorbъjъ (авторы — С. Утешены, Т. Шалаева) [ОЛА 2024: 150–154], № 47 по вопросу L 116 «Стрекоза» (авторы — И. Дзендзелевский, Т. Шалаева) [ОЛА 2024: 282–289], № 33 по вопросу L 87 «Головастик, то, что развивается из икры лягушки, жабы» (авторы — Д. Брозович, Т. Шалаева) [ОЛА 2024: 188–195], № 35 по вопросу L 94 «Улитка без раковины» (авторы — А. Кривицкий, Ф. Климчук, Т. Шалаева) [ОЛА 2024: 204–211], № 37 по вопросу F 100 ščuка (авторы — Т. Вендина, В. Гольдин) [ОЛА 2024: 220–223], № 44 по вопросу L 112 «Божья коровка» (авторы — Ж. Варбот, С. Утешены) [ОЛА 2024: 263–270].

ту-схему 1) [ОЛА 2023: 188–195; Березович, Кривошапова 2006: 22; Березович 2007: 433] (ср. болг., макед. диал. *агѹптин*, *агѹптин* ‘цыган’). Их появление мотивировано восприятием головастика как неполноценной рыбы (см. выше). Лексикографические сведения расширяют географию подобных названий: ср. укр. диал. *циганська риба*, русск. диал. *лопарёк* [Березович, Кривошапова 2006: 22; Березович 2007: 433].

Признак ущербности по сравнению с другими представителями вида, вероятно, стал основой для наименования и улитки без раковины в болгарских ((*cigan*)-*ьsk*-*Ъ* *pyľž-ok-ъ*, (*cigan*)-*ьsk*-*Ъ* *pa-smol-ъ* = *-ak-ъ*, (*agur*)-*ьsk*-*О* *paх-ъл-е*, *цѹгански шѹлей*, *тѹрски ѳйл’уф*) и македонских диалектах ((*cigan*)-*ьsk*-*А* *pyľž-al-ъk-a*, (*tur*)-*ьsk*-*Ъ* *pyľž-aj-ъ*) [ОЛА 2024: 204–211; Березович, Кривошапова 2006: 29; Березович 2014: 187] (см. карту-схему 1). Е. Л. Березович, рассматривая только дериваты корня *цыган-*, считает, что «болгарские названия улитки без раковины... являются переосмыслением таких свойств цыгана, как бездомность и кочевой образ жизни» [Березович, Кривошапова 2006: 29]. Однако представляется, что эти формы следует трактовать как оценку неполноценной природы улитки, не имеющей раковины, поскольку среди ее обозначений встречается упоминание не только цыган, но и турок, а с другой стороны, она регулярно именуется как улитка, лишенная чего-либо или дикая, в противоположность улитке с раковиной: ср. болг. диал. *gol-Ъ* *pyľž-ov-ъc-ъ*, *gol-Ъ* *pyľž-av-ъc-ъ*, *gol-Ъ* *pyľž-el-ъ*, *gol-Ъ* (*šeljmen*)-*ъ*, *gol-Ъ* (*oxlj*)-*ov-ъ*, макед. диал. *div-Ъ* *pyľž-av-ъ*, *div-Ъ* *pyľž-ok-ъ* [ОЛА 2024: 204–211] при болг. диал. *pyľž-ov-ъc-ъ*, *pyľž-av-ъc-ъ*, *pyľž-el-ъ*, *pyľž-ok-ъ*, (*šeljmen*)-*ъ*, (*oxlj*)-*ov-ъ* ‘улитка с раковиной’ [ОЛА 2024: 196–203].

Наименования стрекозы, производные от ксенонимов, зафиксированы в ОЛА на северо-востоке Болгарии ((*tur*)-*ьč-е*), на востоке Польши (*žid*)-*ъk-ъ*) и на востоке Белоруссии (*mosk-al-ъ*) [ОЛА 1: 282–289] (см. карту-схему 1). Е. Л. Березович считает, что на них по аналогии распространилась частотная для названий насекомых ксенонимическая модель [Березович, Кривошапова 2014: 174; 2015: 87]. Хотя выражаемая ими негативная оценка может иметь и мифологические истоки: В. Н. Топоров пишет о воплощении в стрекозе образа антагониста верховного бога в «энтомологической» интерпретации основного мифа [Топоров 1981: 296–299], приводя в качестве параллелей кашубские диалектные формы *szwed(a)* и *francuz* ‘стрекоза’ [Топоров 1981: 298]. О приписываемой стрекозе демонической природе говорят и ее номинации, связанные с отрицательными мифологическими персонажами: ср. словац.

диал. (*šarkan*)-ь из венг. *sárkány* ‘дракон’, укр. диал. (*bosorkan*)-j-a из венг. *boszorkány* ‘ведьма, колдунья’, словен. диал. (*štrig*)-a из итал. *strega* ‘то же’, серб. диал. *vil-in-Ź kon-it-j-ь* «ведьмин конек», хорв. диал. *vil-in-A kos-a* «ведьмин волос» [ОЛА 2024: 282–289].

С другой стороны, происхождение белорусской лексемы *mosk-al-ь* ‘стрекоза’ можно толковать и иначе. Дело в том, что в белорусском и украинском языках *маска́ль*, *моска́ль* называет не только выходца из России, но и солдата: ср. белорус. диал. *маска́ль* ‘название солдата царской армии на бывшей территории Речи Посполитой’ [ЭСБМ 6: 245–246], укр. *моска́ль* ‘солдат’ [ЕСУМ 3: 519]. В то время как стрекоза обозначается и другими наименованиями военнослужащих: ср. польск. диал. (*žolner*)-ь «военный» [ОЛА 2024: 282–289], словац. диал. *žandár* «жандарм» [Machek 1957: 590; Березович, Кривошапова 2014: 175; 2015: 87]. В. Н. Топоров объясняет «военный» мотив в наименованиях стрекозы связью с мифом о верховном божь-громовержце, который, по его мнению, проявляется, кроме того, в таких лексемах, как русск., белорус. диал. *strěl-ьс-ь* [Топоров 1981: 298] и чешск. диал. *mysl-iv-ьс-ь* «охотник» [ОЛА 2024: 282–289].

Однако В. Важный предлагает более убедительное, на наш взгляд, толкование. Он пишет о частотном обозначении стрекозы названиями представителей различных профессий: ср. чешск. диал. *mlynář* [Vážný 1942: 111–112], чешск., словац. диал. (*stěkl*)-en-ar-ь, польск. диал. (*stěkl*)-ar-ь, *kos-ar-ь*, (*śnajder*)-ь, укр. диал. *kov-al-ь*, русск. диал. *kuzn-ьс-ь* [ОЛА 2024: 282–289]. При этом В. Важный обращает внимание на то, что для именования насекомого выбираются наименее престижные с крестьянской точки зрения занятия, что отражает пренебрежительное отношение к нему [Vážný 1942: 112].

Украинские диалектные лексемы *mosk-al-en-ь*, *москалик* ‘божья коровка’ [ОЛА 2024: 263–270; Березович, Кривошапова 2015: 87], возможно, были образованы в результате переноса на это насекомое названия стрекозы или мухи: ср. укр. диал. *татапка*, *жидивка*, русск. диал. *чере-миска*, польск. *litewniczka*, кашуб. *lētewka* (ср. *litewny* ‘литовский’) ‘божья коровка’ [Березович, Кривошапова 2006: 29; Березович 2007: 431–432; 2014: 175, 202]. В отличие от стрекозы, в народной культуре божьей коровке свойственны исключительно положительные коннотации [Топоров 1981: 296].

Версия о появлении этих обозначений божьей коровки в результате переноса со стрекозы подкрепляется частотными ксенонимически-

ми наименованиями летающих насекомых, как вредоносных, так и нет: ср. русск. диал. *цыгáн* ‘майский жук’ [ЛАРНГ 2: 688–691], *америкáнец* ‘слепень’, литер. *шведская муха (мушка)* ‘опасный вредитель злаков’, белорус. диал. *німцы* ‘маленькие серые оводы’, *австрійцы* ‘зеленые оводы’, чешск. *žid*, чешск., словац. *šváb* ‘бабочка’, польск. *szwedzka* ‘муха — вредитель зерновых’ [Березович, Кривошапова 2006: 27–29; Березович 2007: 429, 432; 2014: 202].

Но также нельзя исключать и другую причину: красный цвет божьей коровки напоминает о красных элементах русской офицерской военной амуниции XIX века, поэтому здесь допустимо видеть внутреннюю форму «солдат», как и в укр. *москаль*, *москалик*, *москальчик* ‘клоп-солдатик’ [Березович, Кривошапова 2006: 20, 28; Березович 2007: 431; Березович, Кривошапова 2014: 174–175; Березович 2014: 187; Березович, Кривошапова 2015: 87]. Происхождение укр. *москалень* ‘божья коровка’ из военной сферы подтверждается отмеченной в украинских говорах формой (*soldat*)-*ik-ъ* ‘то же’ [ОЛА 2024: 263–270].

Что касается локализации корней, от которых образованы рассмотренные формы, то Е. Л. Березович пишет следующее: «Разные народы и территориально-социальные объединения людей отражают в номинациях представления о «своих» инородцах — соседях, врагах и т.п. (к примеру, производящие основы “турок”, “румын” ведут себя в южнославянских языках активнее, чем в восточно- и западнославянских...). В то же время отмечены, разумеется, этнонимы, имеющие практически одинаковую деравационную продуктивность во всех славянских языках: безусловным лидером среди них является “цыган”» [Березович 2014: 174–175].

Материалы ОЛА подтверждают этот вывод (см. карту-схему 2): так, корень *cigan-* и его синонимы представлены на картах в наименованиях животных в словацком ((*cigan*)-*ьsk-A ryb-ъk-a* ‘головастик’), болгарском ((*cigan*)-*ьsk-O žab-e*, *циганска риба* ‘головастик’, (*cigan*)-*ьsk-B pylž-ok-ъ*, (*cigan*)-*ьsk-B pa-smol-b* = *-ak-ъ*, (*agup*)-*ьsk-O paх-ъл-e*, *цигански шилей* ‘улитка без раковины’) и македонском языках ((*azup*)-*ьsk-A ryb-a* ‘головастик’, (*cigan*)-*ьsk-A pylž-al-ъk-a* ‘улитка без раковины’) (см. выше). Употребление образований от корня *cigan-* в этих идиомах ими не ограничивается, поскольку имеются также названия ласточки, удода, муравьев, сверчка [Березович, Кривошапова 2006: 29; Березович 2007: 432; Березович 2014: 192, 202], маленькой птички, похожей на воробья и рыбы пескаря (см. выше). Из других языков к ним можно добавить русские диалектные обозначения тараканов, водомерки [Березович, Кривошапо-

ва 2006: 18, 29; Березович 2007: 426, 432; Березович 2014: 202] и белорус. диал. *цыганка* ‘плотва’ (см. выше)³.

Следующим по частотности является корень *žid-* с синонимами (см. карту-схему 2): по данным ОЛА, он фиксируется в польском ((*žid*)-*ьк-ь* ‘стрекоза’), украинском ((*žid*)-*ь*, (*žid*)-*ьк-ь*, (*žid*)-*ьв-а* ‘воробей’) и русском языках ((*žid*)-*ь* ‘то же’). Этот перечень расширяют номинации тараканов, муравьев, удода, водомерки, лягушки [Березович, Кривошапова 2006: 29; Березович 2007: 426, 432–433; 2014: 192, 202], а также укр. диал. *жидивка* ‘божья коровка’, русск. диал. *жідо́лка* ‘рыба щиповка, голец, подкаменщик’ (см. выше). В других славянских языках корень *žid-* присутствует в виде белорусских диалектных названий воробья (см. выше), удода, дикого голубя [Березович 2007: 432–433; Березович, Кривошапова 2014: 175], а также — как белорус. диал. *жыдо́к* ‘рыба верховодка’, чешск. *žid* ‘бабочка’ (см. выше), словац. диал. *židovská lastoviška* ‘птица воронок, городская ласточка’ [Березович 2014: 192].

Далее следует корень *nět-* (см. карту-схему 2), который в ОЛА представлен чешскими обозначениями крысы *nět-ьк-а*, *nět-ьк-ун-ј-а*, *nět-ьč-ьsk-а* *myš-ь* (см. выше). Его дериватами также являются чешские, словацкие и русские диалектные номинации муравьев, русские диалектные наименования тараканов, украинское обозначение удода [Березович, Кривошапова 2006: 18, 29; Березович 2007: 426, 432; 2014: 188, 202], белорус. диал. *ні́мцы* ‘маленькие серые оводы’ (см. выше).

Дериваты корня *tur-*, по различным источникам, распространены в южнославянском ареале (см. карту-схему 2) — в болгарском (*tūrski* *о́йл’уф* ‘улитка без раковины’, (*tur*)-*ьč-є* ‘стрекоза’ (см. выше), *турче* ‘щегол’, *турчин-кукурчин* ‘клоп-солдатик’ [Березович, Кривошапова 2006: 28; Березович 2007: 431, 433; Березович, Кривошапова 2014: 175; Березович 2014: 187]) и македонском языках ((*turk*)-*а* ‘щука’, (*tur*)-*ьsk-Ъ* *pylž-aj-ь* ‘улитка без раковины’) (см. выше).

Основа *mosk-al-*, по сведениям ОЛА, характеризует украинский (*mosk-al-en-ь* ‘божья коровка’) и белорусский (*mosk-al-ь* ‘стрекоза’) языки (см. карту-схему 2). Но в них круг значений данного корня шире: ср. укр. *москаль* ‘клоп-солдатик’ (см. выше), укр., белорус. диал. *мо-сковська зозуля* ‘удод’ [Березович 2007: 432; Березович, Кривошапова 2014: 175; Березович 2014: 187]. Кроме того, в польском языке за-

³ В этот перечень можно добавить название мелкого краба *цыган*, бытующее на черноморском побережье, по сообщению А. Ф. Журавлева.

фиксированы формы *moskal* ‘таракан’, *zieziulka moskiewska* ‘ворона’, в словацком — *moskal* ‘черный таракан’ [Березович, Кривошапова 2006: 18; Березович 2007: 426; 2014: 187, 202; Березович, Кривошапова 2014: 174–175; 2015: 87].

Обобщая приведенные факты, нужно сказать, что корень *cigan-* оказывается единственным объединяющим южнославянские языки (болгарский и македонский) с западно- (словацкий) и восточнославянскими (белорусский, русский). Корень *žid-* характерен для северной части славянской языковой группы — западно- и восточнославянских диалектов. Корень *něm-* имеет сходную локализацию — в чешском, словацком, белорусском и русском языках. Основа *mosk-al-* свойственна тому же ареалу с некоторыми различиями в дистрибуции — она известна польскому, словацкому, белорусскому и украинскому языкам. Распространение корня *tur-* ограничено болгаро-македонским континуумом. Карты ОЛА, несмотря на относительно небольшое количество материала, пусть и обобщенно, но отражают это территориальное распределение.

Литература

- Березович 2007 — Е. Л. Березович. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М., 2007.
- Березович 2014 — Е. Л. Березович. Русская лексика на общеславянском фоне: Семантико-мотивационная реконструкция. М., 2014.
- Березович, Кривошапова 2006 — Е. Л. Березович, Ю. А. Кривошапова. Этнонимическая модель в славянских названиях насекомых // *Studia Etymologica Brunensia* 3. Praha, 2006. S. 17–33.
- Березович, Кривошапова 2014 — Е. Л. Березович, Ю. А. Кривошапова. Образы Москвы в зеркале русского и иностранного языка. «География» Москвы // *Quaestio Rossica*. 2014. № 3. С. 159–183.
- Березович, Кривошапова 2015 — Е. Л. Березович, Ю. А. Кривошапова. Деривационно-фразеологическое гнездо *Москва* в русском и иностранных языках // *Slavia: Časopis pro slovankou filologii*. 2015. Roč. 84. Seš. 1. S. 82–94.
- Березович 2018 — Е. Л. Березович. Славянские оттопонимические названия жителей: ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика // Славянское языкознание. XVI Международный съезд славистов. Белград, 20–27 августа 2018 г. Доклады российской делегации. М., 2018. С. 7–34.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови / голов. ред. О. С. Мельничук. Київ, 1982–2012. Т. 1–6.
- ЛАРНГ 2 — Лексический атлас русских народных говоров. Т. 2. Животный мир / отв. ред. Т. И. Вендина. М.; СПб., 2022.

- ОЛА 2024 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Славянское слово в ареальном контексте (Животный мир) / отв. ред. Т. И. Вендина. М.; СПб., 2024.
- Топоров 1981 — *В. Н. Топоров*. Еще раз о балтийских и славянских названиях божьей коровки (*Coccinella Septempunctata*) в перспективе основного мифа // Балто-славянские исследования 1980. М., 1981. С. 274–300.
- ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / галоў. рэд. В. У. Мартынаў (т. 1–8), Г. А. Цыхун (т. 9–). Мінск, 1978–2017–. Т. 1–14–.
- ČJA — Český jazykový atlas. Brno: Dialektologické oddělení Ústavu pro jazyk český AV ČR, 2012–2014. Т. 1–5. [Электронный ресурс]: <https://cja.ujc.cas.cz> (дата обращения: 26.05.2025).
- Machek 1957 — *V. Machek*. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1957.
- Vážný 1942 — *V. Vážný*. Slovenské lidové názvy šidla a vážky (Studie semasiologická se zřetelom jazykovězeměpisným) // Český časopis filologický. 1942. Roč. 1. S. 103–115.

Summary

Tatiana V. Shalaeva

Xenonyms in the Slavic animal names (on the materials of “Slavic Linguistic Atlas”)

The article deals with the Slavic animal names motivated by designations of aliens, or xenonyms, on the materials of “Slavic Linguistic Atlas” with additions from other sources. The words are given on the maps which show their location from the viewpoint of semantics and underlying roots. Also nomination qualities and existing versions on their origin are analyzed.

Keywords: “Slavic Linguistic Atlas”, motivation maps, semantic maps, xenonyms, animal names.